

(1939 – июнь 1941 гг. На примере Уральского государственного университета)

Июнь-июль 1941 года... Среди многочисленных приказов об отчислении студентов Свердловского университета в связи с призывом в армию затерялись строчки, говорящие о исключении за непосещение занятий студентов Николая Индукаева, Василия Козлова, Николая Менгеля¹. Прогуливали они по той простой причине, что были арестованы органами НКВД².

Это событие имело длинную предысторию, которая поможет разобраться в политических настроениях студентов предвоенной поры.

Все началось с избирательной кампании в местные органы самоуправления, которая была развернута в ноябре–декабре 1939 г. Партийный комитет университета выдвинул кандидатом в депутаты районного Совета студентку Мосину, а комсомольцы истфака В. Адамов, И. Полатовский, В. Попов, З. Донец и П. Обухова – своего однокурсника Николая Индукаева. Мосина получила 32 голоса, Индукаев – 39, четыре человека воздержались³. Мосина была намного старше однокурсников. Держалась особняком. Возможно, её предыдущая профессия – секретарь суда, сделали её особенно осторожной и недоверчивой. Индукаев же был комсоргом (1938 г.), председателем профкома (1939 г.), как бухгалтер, по своей прежней профессии, мог быть особенно полезен в борьбе за права студентов. Зиновий Иванович Донец, секретарь комсомольской организации истфака, вспоминает: «Николай был человек прямой, открытый и честный, очень чутко, остро реагировал на притворство, фальшь. Он ненавидел аллилуйщиков, льстецов и холопов и не скрывал этого и тогда, когда холопство и притворство для очень многих было нормой поведения»⁴.

На общеуниверситетском собрании кандидатура Индукаева не была даже упомянута. В конце концов, выбрали студентку физико-математического факультета В. П. Коноплеву, но часть студентов исторического факультета голосовала против неё. Более того, они усмотрели здесь нарушение конституции. Индукаев на заседании партбюро упрекал ректора Н. П. Попова: «...Почему вы заставили меня отказаться от баллотировки? Если бы агентства Рейтор и Гавасс знали о нашем собрании, то это дало бы большой материал против конституции, и они поддержали бы нас»⁵. Комсорг Донец запальчиво кричал: «Мы будем критиковать, и нам никто рот не заткнет. Старцев [секретарь партбюро] и Попов [ректор] – не партия, и вовсе не означает товарищ Попов, что если Вы утверждены ЦК, то мы должны Вам целиком верить... Мы знаем, что в ЦК были враги народа. Для меня авторитет только товарищ Сталин»⁶. Спустя 15 дней после «исторического» собрания на историческом факультете Зиновий Донец был исключен из комсомола решением бюро Свердловского обкома ВЛКСМ за «антипартийное выступление». По свидетельству однокурсницы Донца Н. С. Печатальщиковой, студенты истфака отправили в обком ВЛКСМ петицию, в которой требовали восстановить Донца в комсомоле. 7 декабря опальный комсорг был исключен из университета⁷. 50 лет спустя директор школы, кавалер ордена Знак Почета Зиновий Иванович Донец так оценивал случившееся: «До сих пор благодарен ректору за мотивировку исключения: «за грубость». А ведь мог (да еще как мог!) мотивировать иначе... И тогда вряд ли не был я с Колей Индукаевым ...»⁸ В ночь с 10 на 11 декабря на деньги, собранные студентами университета, Донец поспешно покинул Свердловск. В дальнейшем З. И. Донец – участник Великой Отечественной войны, член ВКП (б) с декабря 1941 года, на руководящей партийной, советской, хозяйственной, педагогической работе.

На оставшихся в стенах университета возмутителей спокойствия стали искать компрометирующий материал. И нашли. У многих из них в родне были раскулаченные или бежавшие от раскулачивания⁹. Тирады, вылетающие из уст будущих историков в пылу споров о советско-германском договоре 1939 г., японо-китайской войне, победах германского оружия во второй мировой, новых должностях Сталина, правах и обязанностях Советов, плюсах и минусах колхозной системы, инфляции, свободе печати, введении платного обучения и т. п., вполне могли быть истолкованы как антисоветская агитация. Индукаев, например, узнав о назначении Сталина председателем Совнаркома (1941 г.), констатировал, что дело идет к монархии¹⁰, что городское самоуправление в Англии и Франции совершенно самостоятельно. «Оно имеет в своем распоряжении средства и может делать, что ему вздумается. А у нас, в СССР, все подчинено центру»¹¹. Прочитав отчет о парламентских дебатах в Англии, сказал: «В Англии газеты критикуют правительство, а у нас – нет».

наилучшую отдачу для страны, оказавшейся в экстремальной ситуации. Поэтому Николай Менгель, например, объявил себя сторонником диктатуры, обращая особое внимание на успехи Германии, достигнутые при Гитлере. При этом, конечно, делалась оговорка о различии диктатуры буржуазии и пролетариата¹². Василий Козлов по этому вопросу устойчивого взгляда не имел. Зато он очень скептически относился к возможности революционного преобразования мира и весьма интересовался бухаринской теорией вращивания кулака в социализм¹³. Все они отмечали мощь германской армии.

Самый роскошный подарок для органов НКВД ребята сделали 22 июня 1941 года. В этот день в комнате № 20 (общежитие СГУ по ул. Чапаева, 20) шел разговор о позиции большевиков в первой мировой войне и отношении присутствующих к разразившейся Великой Отечественной. Н. Индукаев заявил, что большевики не могут не желать поражения своему правительству¹⁴, В. Козлов был сторонником лозунга «ни мира, ни войны»¹⁵, Н. Менгель оказался оборонцем. Тщетно ребята доказывали потом на следствии, что все это была шутка. Пораженческая пропаганда стала коронным номером обвинения. Приговор: десять лет лишения свободы Н. Индукаеву и В. Козлову, восемь лет – Н. Менгелю¹⁶.

Последнее письмо от Н. Индукаева З. Донец получил в 1943 году. «Переноса непрерывные надругательства в заключении, где, по его выражению, не исправляют, а истребляют, он не был сломлен духовно, не утратил веру в правду и справедливость. Рвался на фронт»¹⁷. З. И: Донец вспоминает: «Мои попытки помочь Коле добиться отправки в действующую армию кончились так: некий товарищ из Смерша пригласил меня на беседу и предупредил, что о направлении “врага народа” на фронт не может быть и речи. И если я не прекращу связи с “врагом народа”, то в любое время могу быть отправлен с фронта к нему»¹⁸.

Николай Менгель погиб в заключении в 1943 году¹⁹. Василий Козлов – в 1948 году²⁰.

Николай Индукаев вышел на свободу в 1951. Следы его затерялись.

Все герои нашего рассказа реабилитированы в 1955 году²¹

Опубликовано в книге «50 лет Победы в Великой Отечественной войне». Материалы научной конференции. Екатеринбург, 1995. С. 43–46.

В. А. Мазур АРЕСТЫ 1941 ГОДА

В 1941 году лагеря НКВД пополнились 75 411 новыми заключенными. Среди них оказались пять студентов Свердловского университета: Н. П. Индукаев, В. Г. Козлов, Н. П. Менгель, И. И. Райхер, В. А. Пилькевич. Были они – сверстники (1918 года рождения), отличники и, хотя учились на разных факультетах, были едины в интересах к гуманитарным наукам, склонностям к нетривиальному мышлению и неумению скрывать свои мысли.

Студентам вменялась в вину «агитация среди однокурсников, направленная против мероприятий Советской власти и на дискредитацию руководителей партии и правительства». В частности, о И. И. Райхере говорилось, что он: 1) недоверчиво отнесся к германо-советскому договору (этот пункт фигурировал, несмотря на то, что Райхер был арестован 3 июля 1941 г., т.е. после начала войны!); 2) заявлял, что Указ Президиума Верховного Совета ССР о введении платного обучения противоречит Конституции СССР; 3) допускал высказывания о династии Джугашвили.

Что же представлял из себя этот «закоренелый антисоветчик»? Внутренний мир нашего героя помогут раскрыть его воспоминания. В них восторженное описание торжественного приёма, который устроили им, школьникам-отличникам, приехавшим со всех концов страны, в Наркомпросе (1936 год). Удивительная констатация: во всех выступлениях А. С. Бубнова, Н. К. Крупской, Ф. Я. Кона ни разу не упоминалось имя Сталина, зато с большим уважением говорилось о старой школе и её преподавателях. Докладчики подчёркивали: «советская власть ожидает, что поколение погодков

революции оправдывает её надежды». Их доверчивые слушатели постарались не ударить в грязь лицом. Но крайней мере, И. И. Райхер, став студентом Свердловского университета, делил свое время между лабораторией и зрительным залом театра оперы и балета. «Куда только я не лез, – вспоминает Исаак Иосифович. – И во все избирательные кампании, и в комитет ВЛКСМ, и в редколлегию газеты «За научные кадры», и в агитаторы, и в пропагандисты. И всё это чрезвычайно нравилось, энтузиазм был самый искренний».

А тем временем в кабинете работника НКВД, курировавшего университет, росла кипа доносов на Райхера. Писали знакомые и незнакомые студенты, писал друг (!), сопровождая своё заявление резюме: «А вообще-то он (Райхер) парень хороший. Прошу дать возможность понаблюдать за ним еще».

В тюрьме работали обыкновенные люди. Прокурор – «загорелый здоровяк, блондинистый и очень даже симпатичный». Следователь – рыхлый человек, с нездоровым жёлтым цветом лица – после окончания допроса выглядел просто благодушно. И все они были «актёрами театра абсурда», декорациями которому служили лабиринты коридоров и лестниц с проволочными сетками от перил до потолка, комнаты с замазанной белой краской окнами, камеры с «ежовскими намордниками». Все они – действующие лица «пьесы», сюжет которой заключался в выяснении того, действительно ли студенты университета Индукаев, Козлов, Менгель и Райхер обсуждали вопрос о назначении Сталина председателем СНК и действительно ли Вася Козлов сказал, что сосредоточение власти в одних руках опасно и грозит бонапартизмом. При «изучении» этого эпизода оказалось, что следователь не знает, что такое «бонапартизм», и пишет слово «университет» с двумя грамматическими ошибками. Ничего удивительного, служитель Фемиды имел всего 7 классов образования.

Кульминацией этой трагикомедии стал приговор: Н. П. Индукаев, В. Г. Козлов, И. И. Райхер, В. А. Пилькевич – десять лет лишения свободы, Н. П. Менгель – восемь. Пилькевич, Козлов, Менгель умерли в тюрьме. От Индукаева последнее письмо было получено в 1943 году. Он писал, что в лагере не исправляют, а истребляют, и что он приложит все усилия, чтобы попасть на фронт. Затем следы его затерялись. Зимой 1942 года, И. И. Райхер, голодный и продрогший, валил лес на берегу суровой Туры. А в это же время в Москве набирался XIII том «Журнала общей химии», в оглавлении которого значилась статья доцента В. И. Есафова и студента И. И. Райхера. Здесь были описаны результаты экспериментов, которые проводил Райхер еще в 1940–1941 гг. Появилась эта статья благодаря мужеству Вячеслава Ионовича Есафова, научного руководителя Райхера. Следующая научная публикация Исаака Иосифовича увидела свет через 16 лет! Он всё-таки стал учёным, доктором биологических наук, заведующим лабораторией сывороточных препаратов Пермского НИИ вакцин и сывороток. Один – из пяти арестованных. Кем бы стали остальные? Каким бы стало государство, если бы не пожирало, подобно титану Кроносу, своих детей?
Уральский университет. 1994, № 10(декабрь).

Аресты 1941г.

И.И.Райхер

Из воспоминаний

...Где-то немного после десятого мая 1941г., в непоздний вечерний час проходили мы с Симоном Богомоловым (студентом физико-математического факультета) по общежитейскому коридору мимо комнаты исторических второкурсников, откуда доносились знакомые голоса громковато рядившие о недавних перестановках в правительстве. Тут меня кто-то потянул за язык. «Зайдем, послушаем специалистов», - бросил я.

«Да я их почти не знаю», - засмутился Симон.

«Вот и узнаешь, хлопцы добрые»...

Ребята кучковались у стола и гоняли тощие студенческие чай... На столешнице в шербатой фаянсовой тарелке поблескивали редкими черными (среди белых) искрами селедочная икра, раскрошенная брынза лежала на листе промасленной бумаги, рядом с кирпичом серого хлеба, и в жестяной банке для чаепития комок подушечек ядовитого зеленого цвета. Последнее уже припахивало роскошью, после Финской со сладостями было трудновато. В нашей столовой вместо выцветшей этикетки «Чай с сахаром» появилась другая - «Чай с конфетами», а потом и просто - «Чай без конфет», что и вошло в поговорку, но в данном случае опровергалось.

Чаевничали два Василия: **Козлов** и Попов и два Николая: **Индукаев** и Менгель. Первых Василия и Николая знал получше, а вторых поменьше. О всех почти ничего не знал: откуда они, где жили, учились или работали до университета... Я сразу завалился на козловскую койку, где лежал раскрытый том «Истории XIX» века Лависса и Рамбо в красной корочке с золотым тиснением... С двухколоночной странички смотрел ОН (имеется в виду Наполеон Бонапарт) в лосинах и с рукой, заложенной за борт сюртука. Надо думать, застольная беседа с него и началась.

Василько Первый (т.е. Козлов), стоя сбоку стола и прикусывая ломоть хлеба с икрой, сыпал минорными примерами истории, связанными с «гнойниками диктатуры» (это его слова). Вспомнил какого-то римского цезаря, стряхнувшего побрякушки демократии со своей императорской порфиры. «Хоть хватило, - молвил **Василий**, - на старости лет ума бросить все к чертям и заняться огородными делами, в смысле выращивания репы». Помянул протектора в кожаных латах (т.е. Кромвеля), первое (трагедию) и второе (фарс) восемнадцатого брюмера, досталось и дуче (Муссолини), и кадильо (Франко), и фюреру. Добрались и до нашего, о котором он еще раньше вспоминал в связи с новым назначением (слышно было в коридоре). **«Нетерпим до предела, особенно к своим бывшим соратникам. Имея столько власти в своих руках не трудно превратить ее в оружие против личных врагов, выдавая их за врагов народа».**

Николай Первый, меланхолически пожеывая кусочки брынзы, с нелестной личностной характеристикой согласился, но против уж слишком больших «возможностей» возражал, сказав: «Есть ведь и избранные органы власти... Хотя, - хлебнул кипяточку и, чуть подумав, добавил, - хотя всем им одна цена». Николай Второй тоже что-то пробуркотал. Только сильно брюнетистый Вася Попов помалкивал, попивая чаек с изумрудной конфеткой. Я слушал в полуха; уловив острый уклончик, прихлопнул красный томик и сказал: «Что ты, Вася! Ведь Сталин как-никак, но оставил свой отпечаток на нашей истории!...» Памятуя о моей ортодоксии, хлопцы повернули на какие-то миничастности и начали стряхивать крошки со стола.

Правильно поняв сигнал, мы с Симоном отпращались и отправились восвояси.

Когда вошли в нашу пустую комнату, Симон возьми да и скажи: «Если бы кто-то донес про ваши разговорчики, дали бы вам всем по десять лет!» Я отреагировал сразу: «Да что ты, дорогой, критика это хлеб историков и, слегка призадумавшись, добавил, - по пожалуй, им можно и сильно подавиться, - и уже с уверенностью закруглил, - но не побегут же они сами на себя доносить...»

Николай Павлович Индукаев

(год рождения 1917)

Студент (1938-1941),

комсорг (1938), профорг (1939)

исторического факультета Свердловского университета.

Альтернативный кандидат студентов исторического факультета Свердловского университета

в депутаты районного Совета депутатов трудящихся (1939).

Арестован 24 июня 1941 года по обвинению в пораженческой пропаганде.

Осужден к лишению свободы на 10 лет.

Тюремная фотография.

1941 год

«...Николай Индукаев был человек прямой, открытый и честный, очень чутко, остро реагирующий на притворство, фальшь. Он ненавидел аллилуйщиков, льстецов и холопов. И не скрывал этого и тогда, когда холопство и притворство для очень многих было нормой поведения.

Последнее его письмо я получил на фронте в 1943 году. Перенеся непрерывные надругательства в заключении, где, по его словам, не исправляют, а истребляют, он не был сломлен духовно, не утерял веру в правду и справедливость. Он рвался на фронт, где решалась судьба Родины.

Я прошел войну с 22 июня 1941 года по 9 мая 1945 года. Хлебнул лиха...Но всегда восхищался мужеством, стойкостью, верой в человеческую доброту Николая Павловича Индукаева. Это верный сын Отечества, до конца претерпевший муки, но сохранивший человеческое достоинство и честь...

Николай рвался на фронт. Мои попытки помочь ему добиться отправки в действующую армию кончились так: некий товарищ из Смерша пригласил меня на беседу и предупредил, что о направлении «врага народа» на фронт не может быть и речи. И если я не прекращу связи с «врагом народа», то в любое время могу быть отправлен с фронта к нему».

Из воспоминаний З. И. Донца, студента (1938-1939), комсорга (1939) исторического факультета Свердловского университета, одного из инициаторов альтернативных выборов в районный Совет депутатов трудящихся (1939). Исключен 7 декабря 1939 г. из числа студентов Свердловского университета «за грубость». В дальнейшем педагог.

Василий Григорьевич Козлов

(1918 – 1948)

Студент исторического факультета

Свердловского университета (1938 – 1941).

Арестован в июне 1941 года по обвинению

в пораженческой пропаганде.

Осужден к лишению свободы на 10 лет.

Тюремная фотография

1941 год

Исаак Иосифович Райхер

(год рождения 1918)

Студент химического факультета (1936 – 1941),

секретарь комсомольской организации (1938 – 1939)

Свердловского университета.

Арестован в июне 1941 года по обвинению в

антисоветской пропаганде.

Осужден к лишению свободы на 10 лет.

Тюремная фотография.

1941 год

Из допроса студента исторического факультета Свердловского университета
Малкина Леонида Михайловича
23 мая 1940 года

...За последнее время со стороны Индукаева антисоветские высказывания имеют определенную систему. По поводу Германии Индукаев говорил: «Гитлер за короткий период создал громадную армию и крупную промышленность. Он, Гитлер, успешно выполняет свои четырехлетки, и скоро может наступить тот час, что Гитлер объявит социализм построенным».

26 мая [так в тексте] 1940 года Индукаев заявил: «Американская и английская печать свободно критикуют свои правительственные круги. Они открыто выступают против своих правителей. У них существует свобода печати, а у нас в СССР, через газеты критиковать правительство не имеем право». Из этого Индукаев делает вывод, что в СССР нет свободы печати.

25 мая [так в тексте] 1940 года Индукаев высказал такую мысль: что немцы побеждают, потому что имеют хорошо обученный командный состав, имеют богатые знания по военному делу, знают они гораздо больше, чем наши командиры; наших лейтенантов учат очень плохо. Финляндские события подтверждают, что нам очень трудно пришлось. Немцы такие вопросы решают быстрее и легче.

29 мая [так в тексте] 1940 года Индукаев продолжительное время высчитывал индекс цен, зарплаты и прочее, по окончанию которого пришел к выводу, что рубль в данное время упал в 20 раз.

19 мая сего года Индукаев высказал: «Городские самоуправления в Англии и Франции совершенно самостоятельны. Они имеют в своем распоряжении средства и могут делать, что им вздумается. А у нас в СССР все подчиняется центру...»

ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 15800. Л.1, 33, 33 об.

Комментарий И. И. Райхера, студента химического факультета Свердловского университета (1936 – 1941), знакомого Н. П. Индукаев, к показаниям Л. М. Малкина: «Индукаев хвалит летом 1940 года немецкую экономику и технику. Так это был пик нашего «братания» с немцами. Вся пресса была наполнена этим. Только вскоре последовавшее падение Парижа заставило чуть изменить тон и кое о чем задуматься.

Все остальное в доносах было элементарной правдой. Знали все, да не все решались об этом говорить...»

Из письма И. И. Райхера от 2 сентября 1996 года

Из протокола судебного заседания по делу Н. П. Индукаева и других (дело № 11-378)

8 августа 1941 года

... Дело по обвинению Индукаева Н. П., Козлова В. Г. по статье 58-11, часть 2, Райхера И. И. и Менгеля Н. П., по статье 58 – 10, часть 1 УК...

В порядке статьи 279 УПК оглашено обвинительное заключение.

Подсудимый Индукаев – виновным себя признаю частично;

Подсудимый Козлов – виновным себя признаю частично;

Подсудимый Райхер – виновным себя признаю частично;

Подсудимый Менгель – я себя виновным не признаю.

Подсудимый Индукаев показал: Я не проводил среди студентов контрреволюционной агитации, но случаи отдельных высказываний я не отрицаю. Числа 6–7 мая 1941 года, когда было опубликовано постановление о назначении Сталина председателем Совнаркома, я в присутствии Козлова, Попова и Менгеля сказал, что дело явно идет к монархии.

В 1940 году, время не помню, в газете был помещен отчет о парламентских дебатах в Англии, и я сказал: «В Англии газеты критикуют правительство, а у нас нет». 23 июня 1941 года в комнате № 20 (в общежитии на улице Чапаева, 20), в присутствии студентов Попова, Козлова, Чемпалова я сказал, что большевики не могут не желать поражения своему правительству; я сказал это в шутку. Козлов сказал, что я, как меньшевик отношусь, как центрист.

В 1940 году на выборах в местный комитет меня выдвинули в местком, я отказался, некоторые студенты выдвигали кандидатуру Мосиной; я тогда был очень возбужден и не помню, что я говорил; на этом собрании был секретарь парткома и ректор Попов, которые мне никаких замечаний не делали, а секретарь собрания искажила мое выступление и записала, что я просил помощи у агентства Гавас и Рейтер; а я говорил, что поведение Старцева (секретаря парткома СГУ) может служить материалом для иностранных агентств Гавас и Рейтер. О том, что Сталин 20 лет был генеральным секретарем и теперь решил взять административную линию и что об этом скажут историки, я не говорил; я только сказал, что дело явно идет к монархии.

Подсудимый Козлов: Я подтверждаю, что Индукаев говорил, что историки отметят, что Сталин больше 20 лет был генеральным секретарем, и наконец решил сбросить с себя маску.

Подсудимый Индукаев: В это время Козлов сказал, что Сталин теперь будет подписывать указы: мы, Божией милостью, Иосиф Первый; говорил, что Сталин 30 лет сидел на престоле нелегально, а в 1941 году решил короноваться и что историки будут отмечать три династии: Рюриковичей, Романовых и Джугашвили.

В 1940 году был разговор с Поповым, Козловым, где он говорил, что Германия в силу централизма власти довольно сильное государство; Гитлер за короткий период восстановил лучшую армию. Сам я говорил, что Сибирь перегнала Урал по промышленности, о том, что при условии, если бы в Сибири не было Советской власти, это я отрицаю.

Подсудимый Козлов: Мы просто спорили с Индукаевым; он – сибиряк, а я родился на Урале; Индукаев говорил, что Сибирь имеет неисчислимы богатства, и он говорил, что если бы Сибирь развивалась по американскому методу, то она была бы второй Америкой; если бы там была не Советская власть, она отделилась бы от России; он имел в виду не современное положение, а положение царской России.

Подсудимый Индукаев: От Райхера я контрреволюционных разговоров не слышал, он очень редко заходил к нам в комнату.

Отец у меня работает заведующим складом в Леспродторге в Новосибирской области.

На вопрос прокурора о том, что отец исключен из колхоза: Я не знаю, с отцом не живу с 1929 года и переписку очень редко имею.

61

В то время, когда была опубликована в газете речь Гитлера, то в своей комнате мы разговаривали, что Германия сильно укрепилась, благодаря диктатуре Гитлера, и создана большая армия, а о том, что Гитлер скоро объявит социализм построенным, я этого не говорил и политику Гитлера не восхвалял.

В 1940 году Малкин жил в комнате № 20, и с ним были неприязненные отношения; он всегда начинал разговоры, и разговор о падении рубля начал он; он говорил, что советский рубль пал больше, чем в 20 раз, а я с ним спорил и чтобы доказать, подсчитал, что как раз в 20 раз.

О том, что в Англии существует свобода слова я не говорил, но я говорил, что в Англии газеты могут критиковать свое правительство, о том, что у нас в печати нельзя критиковать правительство я не говорил.

23 июня 1941 года разговор начал Малкин он говорил, что германская армия имеет большой опыт и хороший командный состав и поэтому быстро побеждает; я ему поддакивал... О том, что наши лейтенанты плохо обучены и что опыт войны с финнами показал, что нам трудно воевать, я этого не сказал.

На вопрос адвоката – разговор о войне 23 июня 1941 года – был в шутку.

Подсудимый Козлов показал: о время объявления войны я был в своей комнате, когда вошел Индукаев. Я спросил его, как он относится к войне; он в шутку сказал, что большевики не могут не желать поражения своего правительства; а я сказал, что я придерживаюсь, как меньшевик, центрист, выдвигаю лозунг – ни мира, ни войны, весь разговор был шуточный; и я себя виновным в пораженческих высказываниях не признаю. Раз Индукаев сказал одну фразу, мне осталось сказать вторую.

Когда происходил разговор об армии, то я говорил, что немецкая армия больше подготовлена и потому она разбила французскую армию, которая оказалась меньше подготовленной к войне; а сравнение немецкой армии и Красной армии и восхваления немецкой армии я не делал. Гитлера я не восхвалял. О Троцком я говорил, что он – авантюрист, что, возможно, он выдвинул лозунг абсолютной свободы слова и этим использовал отсталые слои старой интеллигенции.

Мне приходилось разговаривать с участниками гражданской войны, и от них слышал, что, когда Троцкий приезжал на фронт, то он своими выступлениями поднимал дух армии, и его знали все бойцы; о Сталине я ничего не говорил, и разговор происходил о Западном фронте, где Сталин не участвовал. О Троцком я говорил, что он мог обмануть Гитлера.

Когда Индукаев сказал, что дело идет к монархии, я не считал его слова серьезными, и я в шутку сказал, что Сталин нелегально занимал престол 20 лет и теперь решил короноваться и будет подписывать указы: «Мы, Божьей милостью, Иосиф первый», и что история отметит три династии: Рюриковичей, Романовых и Джугашвили. Этот разговор был в шутку, и тогда я не думал, что дискредитирую т. Сталина, а теперь понял, что был дискредитация.

В отношении заключения договора с Японией я говорил, что у нас были натянутые отношения с Японией, а когда она подписала договор с нами, то этим ей развязали руки, и она использовала взаимоотношения с Китаем [так в тексте].

Когда был снят Литвинов, я говорил, что последнего строго большевика вывели из ЦК, и теперь ЦК украшает Маленков.

Райхер рассказал анекдот: какая разница между Моисеем и Сталиным. Он говорил, что Моисей вывел евреев из Египта, а Сталин из ЦК. Это он говорил, когда был снят Литвинов.

Я разговаривал с Поповым о сочинениях Ленина и Сталина, я говорил, что видел в библиотеке новые издания, а Райхер сказал, что в сочинения Сталина входят философские размышления как построить колхоз, как делать кобылу пальцем, и что эти философские размышления входят в состав марксистской сокровищницы.

От Менгеля я слышал такое выражение, что у нас теперь глава правительства Сталин, как у Германии – Гитлер.

На вопрос прокурора – мой отец получил от дедушки кулацкое хозяйство, а сам отец не имел батраков, и он работал в сельском совете, и когда его обложили твердым заданием, то он уплатить не мог, и потому он выехал из деревни, хотел устроиться в Челябинске, а потом уехал в Западную Сибирь.

Внешней политики Советского Союза я не понимал, и потому мне было непонятно, почему заключают договор с Германией, т.к. нам все равно когда-нибудь придется вести борьбу с капиталистическими странами, и я говорил, что почему порвали договор с Францией и заключили договор с Германией?

В отношении Шестакова многие научные работники говорили. Что он не настоящий профессор, потому что он все свои лекции провалил, а что говорили о Шестакове подсудимые, я не помню.

Когда я говорил, что я выдвигаю лозунг «ни мира, ни войны», я говорил не в отношении настоящего положения, а просто шутил, никакой контрреволюционной агитации я не имел в виду.

Подсудимый Райхер показал: В октябре 1940 года после введения платного обучения я говорил, что теперь дети обеспеченных родителей будут иметь возможность учиться, а дети рабочих не могут учиться, несмотря на то, что они имеют способности; и я сказал, что это постановление не соответствует духу Конституции.

В декабре 1940 года был разговор о выводе Литвинова из ЦК; я говорил, что, возможно, Литвинова потому вывели из состава ЦК, что он был заложником в Англии, и при этом рассказал анекдот, что Моисей вывел евреев из Египта, а Сталин вывел евреев из ЦК.

При разговоре с Козловым о сочинениях Ленина и Сталина я говорил, что мне не нравятся рассуждения Сталина, что лошадь сделать легко, а человека трудно.

О Германии я говорил, что Германия в некоторых вопросах копирует построение социализма, а о том, что германская армия сильнее Красной армии и что немецкая армия имеет более сильный командный состав, я этого не говорил.

На вопрос прокурора: в нынешнем году я окончил государственный университет и все время учился на стипендию, но я знал, что студенты тяжело переживают постановление о платном обучении потому я сказал, что постановление не соответствует Конституции.

Подсудимый Менгель показал: когда было постановление назначении Сталина председателем Совнаркома, я сказал, что теперь Сталин будет занимать пост рейхс-канцлера, как Гитлер в Германии.

В разговоре с Вольфсоном о немецкой армии я слышал от него, что после финских событий Гитлер говорил, что русские за 20 лет ничему не научились и что если бы ему дали 30 тысяч русских солдат, то он прошел бы всю Европу; на второй день во время разговора в своей комнате я говорил, что слушал от Вольфсона, что после финской кампании Гитлер сказал, что русские за 20 лет ничему не научились и что если бы ему дали 30 тысяч русских солдат, то он прошел всю Европу, но я ничего не говорил, что Гитлер удивился, что русские ничему не научились.

На вопрос прокурора: такой разговор, что германская диктатура прекрасно себя оправдала, а французская демократия опозорилась, был, я этого не отрицаю; но я не имел в виду восхваление Гитлера.

На вопрос Индукаева: Я ничего не слышал, чтобы Индукаев говорил, что Гитлер скоро построит социализм.

Свидетель Рябухина Евгения Филипповна, 1920г.р., студентка государственного университета: подсудимых знаю. В ноябре 1939 года было выборное собрание, где обсуждали кандидатуру Мосиной; ее студенты не поддержали и выдвинули Индукаева; он не отказался, и когда было голосование, то за него было больше; и директор университета сказал ему, что единодушия в голосовании не было и почему Индукаев не отказался от баллатировки, после чего Индукаев отказался от баллатировки.

О контрреволюционных разговорах подсудимых я ничего не знаю.

На вопрос подсудимого Индукаева: Я не слышала, чтобы Попов заставлял Индукаева отказаться, его вопрос слышала. Индукаев говорил, что если бы агентства Гавас и Рейтер слышало наше предвыборное собрание, то это был бы хороший материал против нашей конституции.

Свидетель Митин Михаил Григорьевич, 1919 г.р., студент государственного университета: подсудимых знаю. В разговоре об историке Ростовцеве выступал Пилькевич, которого уже судили.

Песню пел Козлов дня через два после объявления войны:

«Смело мы в бой пойдем

За Русь святую,

И всех жидов побьем,

Сволочь такую»,

и в это же время Козлов говорил, что теперь немцы развивают военные действия и всю прут на нас.

Подсудимый Козлов: об историке Ростовцеве я говорил, что он крупная величина, но он поступил не как патриот, и эмигрировал за границу, и там нищенствует. Песню я не пел, а в присутствии Махнева говорил, что наши войска были застигнуты врасплох и говорил, что у немцев были подготовлены отборные силы, и теперь, наверное, поют революционные песни, искажая их, и громят евреев, говорил о зверствах немцев...

Слова предоставлено прокурору Пушкареву: Он говорит, что в отношении всех подсудимых преступление квалифицировано правильно, и считает необходимым применить к подсудимым Индукаеву и Козлову высшую меру наказания, а к подсудимому Менгелю и Райхеру длительное лишение свободы.

Слово предоставляется адвокату Смирнову: Он говорит, что для исправления подсудимых Индукаева и Козлова не требуется применения высшей меры наказания, и считает, что в отношении подсудимых суд должен вынести такой приговор, который их воспитывает в дальнейшем. В отношении Райхера и Менгеля прошу меру наказания определить в соответствии с содеянным.

Подсудимым предоставлено последнее слово.

Подсудимый Индукаев: Мой отец кулаком не был, и, кроме того, я воспитывался у дяди, поэтому нельзя считать меня выходцем из кулацкой среды. На все разговоры вызывал меня Малкин, который жил в одной комнате со мной; например, он сам говорил, что он писал в газету, и его письмо не пропустили, и сам же он сказал, что у нас нет свободы слова.

Я не отрицаю, что у меня были антисоветские высказывания, но они не носили такого злостного характера и не причинили такого большего вреда для советской власти, чтобы за них меня лишали жизни. У меня шесть сестер и четыре брата, из них шесть человек в комсомоле, и, если бы мой отец был кулак, то их давно исключили бы и не посылали учиться. Все свои высказывания я считаю болтовней, ни на чем не основанной; если я буду на свободе, то я никогда больше не буду этим заниматься. Если суд определит мне высшую меру, то это будет какая-то смешная смерть; я думал, что я буду участником тех событий, которые происходят сейчас, а я оказался на скамье подсудимых; меня никто не предупреждал, что я делаю преступление своей бессмысленной болтовней; и я не только бы не делал этого сам, но и других предупредил бы.

Подсудимый Козлов: Я не считаю себя кулацким элементом; кулацкое хозяйство было еще у моего дедушки; отец уже не был кулаком, причем же тут я; мои родители являются такими же обыкновенными людьми, как и все.

Я не отрицаю своего преступления, но я еще ничего не сделал такого, за что меня можно лишать жизни. В комсомоле я был активным членом, хорошим общественником, и имел хорошие отзывы о своей работе. Прошу суд учесть, что я болен туберкулезом и из-за болезни в прошлом году провалил сессию, в результате чего не получал стипендии, а мои

9

родители не имеют возможности помогать мне, поэтому я оказался брошенным на произвол судьбы.

Ведение следствия я считаю необъективным; следователь старался подтянуть мою фразу «Ни мира, ни войны», которую я сказал в шутку, он старался подтянуть ее к троцкистской оппозиционной политике, наоборот, я всегда резко выступал против фашизма и никогда не сравнивал буржуазную демократию со своей. Я ничего не пропагандировал и не отрицал, я в товарищеской среде допускал некоторые высказывания, не считая их антисоветскими и, слыша такие же высказывания от других, я не придавал им значения и не сообщил в органы следствия, но я совершенно не знаю жизни и законов. Когда я побывал в среде заключенных, я понял, что действительно есть люди, которые являются врагами Советской власти; если бы меня сейчас выпустили на свободу, то я доказал бы, что я могу быть настоящим советским гражданином.

Прошу суд подойти ко мне сознательно и учесть все обстоятельства, что я еще человек не погибший. Для меня достаточно небольшого наказания, которое меня исправит, а также прошу учесть мое состояние здоровья, у меня вторая стадия чахотки. Я совершил преступление, но я уже за него получил наказание за время нахождения в тюрьме; прошу суд дать мне возможность жить.

Подсудимый Райхер: Я не отрицаю совершенного мною преступления и понимаю всю его тяжесть. За все время учебы я был отличником, не имел ни одного взыскания и был везде общественником. Я сознаю, что за свою вину я должен нести наказание, и любое наказание я приму как должное.

Подсудимый Менгель: Мой отец участвовал в первой империалистической войне и, когда он вернулся, то рассказывал, что землю можно брать без всяких, т.к. земля принадлежит не кулакам. У отца не было ни кулацкого, ни середняцкого хозяйства; отец умер в 1921 году; я остался с матерью, и в 1929 году вступил в колхоз, который меня послал учиться. Мои высказывания я не отрицаю, но я не имел в виду контрреволюционную агитацию...

ГААОСО. Ф.1. Оп. 2. Д. 15800. л. 178 - 190.

Комментарии И. И. Райхера на текст протокола судебного заседания по делу Н. П. Индукаева и других от 8 августа 1941 года:

«..Неужели вы могли подумать, что на суде был кто-то, кроме Митина? Никаких других свидетелей не было, и не зачитывались какие-либо свидетельские показания...»

Из письма И. И. Райхера от 21 октября 1996 года

Постановление бюро Свердловского горкома ВКП (б)
от 3 декабря 1939 года

«О руководстве партбюро государственного университета выборами в
местные Советы депутатов трудящихся» (Докладчик т. Темкин).

Бюро горкома ВКП (б) отмечает, что факты, которые имели место в государственном университете в связи с выдвижением кандидата в депутаты Ленинского райсовета, заслуживают особого внимания партийной организации.

Небольшая группа комсомольцев, заранее договорившись, выступила против кандидата в депутаты райсовета тов. Мосиной, рекомендованного партийной организацией, и при том, по мотивам совершенно необоснованным. На этом же предвыборном собрании студентов исторического факультета имели место антипартийные, демагогические выступления, которые не получили должного отпора со стороны партийного бюро и коммунистов. Партийному бюро и дирекции университета известно, что тов. Мосина (студентка 2 курса исторического факультета) является ударницей учебы и ведет борьбу за укрепление дисциплины, и что только по этим мотивам один из дезорганизаторов университета – Донец – ведет линию на то, чтобы скомпрометировать одного из лучших студентов университета.

Горком ВКП (б) отмечает, что бюро партийной организации университета при обсуждении итогов предвыборного собрания студентов исторического факультета допустило ряд политических ошибок: на заседание бюро парт. организации была допущена группа беспартийных студентов, которая сознательно провалила решение партийной организации. Этим самым товарищ Старцев – секретарь партийной организации, и члены бюро принизили роль руководящего органа партийной организации.

На этом же заседании бюро Донец выступил с антипартийными, антисоветскими клеветническими выпадами, партийное бюро не дало большевистского отпора зарвавшимся клеветникам и демагогам. Больше того, после заседания бюро эта группа усилила свои выпады против партийной организации, а партийное бюро спасовало и сняло кандидатуру тов. Мосиной, выдвинутой в депутаты райсовета.

Комитет ВЛКСМ университета вместо разоблачения группы демагогов, оклеветавших выдвинутого кандидата, пошел на поводу у них и пытался противопоставить комсомольскую организацию партийной организации университет.

Горком ВКП (б) отмечает, что бюро Ленинского райкома ВКП (б) – секретарь. Долгинцев, - при обсуждении дела на бюро не дали развернутой политической оценки антипартийным высказываниям, имевшим место в государственном университете, и не мобилизовали партийную организацию на борьбу с дезорганизаторами.

Все эти факты свидетельствуют о том, что партийно-политическая работа в университете находится в запущенном состоянии, а бюро райкома партии не приняло надлежащих мер к налаживанию партийной работы в университете, даже после прямых антипартийных выпадов.

Исходя из этого, горком ВКП (б) постановляет:

1. Указать бюро Ленинского райкома ВКП (б) и его секретарю тов. Долгинцеву на то, что они не вскрыли политического существа антипартийного выступления и оказались на поводу группы демагогов, оклеветавших выдвинутого депутатом в райсовет и допустили срыв предвыборного собрания в университете.
Потребовать от бюро райкома ВКП (б) исправить допущенную ошибку в партийной организации университета и решительно улучшить руководство первичными партийными организациями.
2. Указать членам партийного бюро и секретарю партийной организации университета тов. Старцеву, что с их стороны было проявлено либеральное отношение к группе демагогов, оклеветавших выдвинутого кандидата в депутаты райсовета, допустивших антипартийные выпады и сорвавших предвыборное собрание в университете.
Потребовать от бюро партийной организации, всех коммунистов университета решительной борьбы с дезорганизаторами и клеветниками, пытающимися сорвать работу по выборам в местные Советы депутатов трудящихся.
Развернуть политическую работу таким образом, чтобы обеспечить большевистское проведение выборов в местные Советы депутатов трудящихся, в соответствии с указанием ЦК ВКП (б).
3. Поручить секретарю горкома ВЛКСМ товарищу Шахматову обсудить на бюро горкома вопрос о положении дел в комсомольской организации университета, провести совещание актива и собрание комсомольской организации университета, разъяснить комсомольцам политически вредную позицию, на которую встали члены комитета ВЛКСМ, и оказать им практическую помощь в постановке политической работы по повышению дисциплины в комсомольской организации.
4. Поручить т. Темкину разъяснить настоящее решение горкома партийной организации университета.

Секретарь Свердловского горкома ВКП (б) Недосекин

ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 717. Л. 16, 17.

Протокол № 42 заседания бюро Свердловского горкома ВЛКСМ от 3 декабря 1939 года

Присутствовали: члены бюро горкома ВЛКСМ товарищи Шахматов, Субботин, Любимов, Вологин, Абрамов, Гиттельман; первый секретарь обкома ВЛКСМ товарищ Косов, второй секретарь обкома ВЛКСМ товарищ Харламов; секретарь Ленинского райкома ВЛКСМ товарищ Финельсов, секретарь Орджоникидзевского райкома ВЛКСМ товарищ Федоров, секретарь Кагановичевского райкома ВЛКСМ товарищ Прокопьев; работники горкома ВЛКСМ товарищи Брынский, Моисеев, Дедюзин и члены комитета ВЛКСМ государственного университета.

1. О неправильном решении комитета ВЛКСМ государственного университета от 26 ноября 1939 года (докладывал секретарь комитета ВЛКСМ государственного университета товарищ Шалаев).

Выступали: товарищи Попов – член комитета, Обухова – член комитета, Черных – член комитета, Малышева – студентка химического факультета, Сторожев, Донец – бывший секретарь факультетского бюро исторического факультета, Косов, Гиттельман, Старцев – секретарь партбюро государственного университета, Харламов, Субботин, Вологин, Фишельсон, Шахматов.

Постановление бюро горкома ВЛКСМ «О неправильном решении комитета Свердловского государственного университета» от 26 ноября 1939 года.

Бюро горкома ВЛКСМ отмечает, что комитет ВЛКСМ Свердловского государственного университета совершенно неудовлетворительно работает по подготовке к выборам в местные Советы депутатов трудящихся, в результате чего на историческом факультете предвыборное собрание 21 ноября 1939 года было сорвано. Члены комитета товарищи Попов В. П., Обухова, Сторожев, секретарь факультетского бюро товарищ Донец З. И., присутствовавшие на собрании не дали отпора демагогическому выступлению Палатовского, направленного на дискредитацию выдвинутой партийной организацией кандидатуры в депутаты райсовета беспартийной студентки товарища Мосиной; сами Донец и Попов встали на путь дискредитации этой кандидатуры без всякого основания. Вместо исправления допущенных ошибок, члены комитета ВЛКСМ **по инициативе товарищей Черных, Попова и Обуховой** встали на неправильный, антикомсомольский путь, **обсуждая на заседании комитета ВЛКСМ работу партийного бюро**, что является вредной попыткой противопоставления комсомольской организации партийной.

Секретарь факультетского бюро товарищ Донец З. И., занял линию огульного обвинения партийного и хозяйственного руководства государственного университета и хулиганского отношения к преподавательскому составу. На партийном бюро товарищ Донец З. И. сделал грубый, по существу антисоветский выпад. После предупреждения на бюро Ленинского райкома ВЛКСМ т. Донец З. И. не только не исправил своих ошибок, но и усугубил их, апеллируя к комсомольцам и несоюзной молодежи, организовал сбор подписей против корреспонденции, помещенной в «Уральском рабочем».

Бюро горкома ВЛКСМ постановляет:

1. Отменить решение комитета ВЛКСМ государственного университета от 26 ноября 1936 года как вредное, ориентирующее на противопоставление комсомольской организации партийной.
2. Указать комитету ВЛКСМ, что он устраняется от руководства подготовкой к выборам в местные Советы депутатов трудящихся и потребовать немедленного исправления ошибок, организации широкой агитации за кандидата в депутаты местных Советов, обеспечив активное участие каждого комсомольца в этой ответственной и почетной работе.
3. Тов. Донца З. И. с работы секретаря факультетского бюро ВЛКСМ исторического факультета снять и за антисоветские выпады, за хулиганское поведение по отношению к преподавателям и руководству университета из **рядов ВЛКСМ исключить**.
4. Вывести из состава комитета ВЛКСМ тт. Попова В. П., Черных, Обухову, как инициаторов противопоставления комитета ВЛКСМ партийной организации.
5. Разъяснить комсомольской организации государственного университета, что при подготовке и проведении выборов в местные Советы депутатов трудящихся нужно твердо помнить, что остатки разгромленных контрреволюционных элементов попытаются использовать выборы в своих вражеских целях. Надо пресекать всякие их попытки использовать эту важнейшую кампанию в своих вражеских целях. Комсомольская организация университета должна активно участвовать в подготовке к проведению выборов под руководством большевистской партии и еще больше укреплять свои ряды, вырасти идейно и организационно, с честью оправдать свою роль помощника партии Ленина-Сталина.
6. Поручить секретарю горкома ВЛКСМ товарищу Шахматову доложить общему комсомольскому собранию государственного университета настоящее решение.

Секретарь Свердловского горкома ВЛКСМ Шахматов.

Из протокола № 64 заседания бюро Свердловского обкома ВЛКСМ
от 7 декабря 1939 года

...23. О решении бюро Свердловского горкома ВЛКСМ об исключении из комсомола
Донца З. И.

Донец З. И., 1918 года рождения, в комсомоле с 1935 года; социальное происхождение –
сын крестьянина-середняка. Студент 2 курса Свердловского государственного
университета, исторического факультета.

Решением бюро Свердловского горкома ВЛКСМ от 3 декабря 1939 года из комсомола
исключен за антисоветские выпады, за хулиганское поведение по отношению к
преподавателям и руководству университета.

Донец на заседании бюро обкома присутствует.

При разборе дела установлено, что обвинения, предъявленные Донцу З. И., подтверждены
полностью.

Решение горкома ВЛКСМ от 3 декабря 1939 года подтвердить.

**Донца З. И. за антисоветские выпады, за хулиганское поведение по отношению к
преподавателям и руководству государственного университета из членов ВЛКСМ
исключить.**

Секретарь Свердловского обкома ВЛКСМ В. Косов.

ЦДООСО. Ф. 61. Оп. 2. Д. 962. Л. 157.

РСФСР
 Народный комиссариат просвещения
 Свердловский государственный университет
 имени А. М. Горького
 [после 7 декабря 1939 г.]

В Управление
 университетов
 и научно-
 исследовательских
 институтов
 Тов. Усачеву

На Ваш запрос по вопросу исключения из университета студента 2 курса исторического факультета Донца сообщаю следующее:

1. Донец З. И. является одним из руководителей беспринципной группы комсомольцев из числа членов комитета комсомола, которая противопоставила себя партийной организации и выступила против проводимых партийной организацией мероприятий при выдвижении кандидатов в местные Советы депутатов трудящихся.
 Вопрос о противостоянии группы членов комитета комсомола во главе с Донцом парторганизации университета обсуждался на заседаниях райкома, горкома и обкома ВЛКСМ. В результате Донец был исключен из комсомола, ряд членов комитета комсомола выведены из состава комитета, а на общем комсомольском собрании избран новый состав комитета ВЛКСМ.
 Вопрос о дезорганизаторской деятельности группы комсомольцев также обсуждался на бюро Ленинского райкома и Свердловского горкома ВКП (б).
2. Выступая против парторганизации университета, Донец грубил, клеветал и оскорблял руководителей университета и общественных организаций. В отношении директора университета Донец распространял среди студентов клеветнические обвинения, что якобы директор университета заставил отказаться от баллотировки в депутаты райсовета выставленную этой группой на предвыборном собрании истфака кандидатуру **[Н. П. Индукаева]**.
 На заседании партбюро Донец высказывал и развивал вредные, по существу дела враждебные идеи – огульного недоверия к руководителям вообще и директору университета, в частности.
 Донец оскорблял декана исторического факультета, обозвал его «нахалом» и «нечестным человеком». Руководителя военной подготовки т. Машкина, который сделал Донцу замечание на учебных занятиях, он обозвал «хулиганом». Секретаря партбюро т. Старцева Донец обозвал «человеком, прикрывающим свою тупость парт. билетом», секретаря комитета ВЛКСМ т. Шалаева – «подлецом и сволочью». Такое поведение распоясавшегося демагога и хулигана не могло быть терпимо, поэтому 7 декабря 1939 года **Донец «за грубость и оскорбления директора университета, декана исторического факультета, преподавателя военной подготовки и руководителей общественных организаций» из числа студентов был исключен.**

Директор Свердловского государственного университета Н. Попов

ЦДООСО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 120. Л. 31, 32.

Из протокола
допроса студента исторического факультета Свердловского университета
Николая Павловича Менгеля
23 июня 1940 года

... Расскажите следственным органам, что Вы хотели рассказать органам НКВД?

Ответ: 20 июня сего года меня вызвали в спецчасть государственного университета, и товарищ Лызлова беседовала со мной по выяснению, что я знаю о политических настроениях студентов Полатовского и Митина. Я о Полатовском и Митине ничего не мог рассказать. В заключение тов. Лызлова попросила меня об этом не разглашать. Придя домой, меня стали спрашивать живущие со мной студенты зачем меня вызывали в спецчасть. Ну, я и рассказал, как было дело. То есть, что секретная часть интересуется Полатовским и Митиным. В свою очередь, студент Малкин рассказал присутствующим в комнате мне и Макарову, что его, Малкина, вызывали в органы НКВД и будто бы там ему рассказали, что они знают о всех разговорах, которые происходят в нашей комнате. Макарову сказали, что его разговор о колхозах органам НКВД хорошо известен и мой разговор по событиям в Китае так же органам НКВД хорошо известен. Далее Малкин заявил, что кто-то ходит и подслушивает все наши разговоры или преемник поставлен, через который органы НКВД осведомляются.

Я, конечно, взволновался и заявил, что пойду в органы НКВД и расскажу сам о наших разговорах, чтобы органам НКВД не представлялось ложного мнения. Малкин меня стал упрашивать, что, если я пойду, то его, Малкина, за нарушение данной им подписки в неразглашении будут привлекать к уголовной ответственности.

Вопрос: Расскажите следственным органам, кто принимал участие в спорах на политические темы в вашей комнате?

Ответ: В спорах на политические темы принимали участие прежде всего жильцы этой комнаты: Я, Малкин, Попов, Макаров и приходят из других комнат Индукаев, Митин, Чемпалов. Горячее участие в спорах принимает Индукаев.

Вопрос: Расскажите, по каким политическим вопросам происходят споры и кто какую отстаивает или защищает позицию?

Ответ: В данное время споры проходят о международных событиях на Западе. Я и Попов отстаиваем точку зрения, что политика Советского правительства в отношении Германии правильная. Мы находимся в выгодном положении. А Индукаев в этом сомневается, заявляя при этом: «Пока неизвестно, чем это все кончится».

Были споры и о колхозах, которые выражались в том, что каждый присутствующий доказывал о тех колхозах, откуда он сам. Я доказывал, что в нашем колхозе у колхозников много хлеба лежит, и его нужно пустить в оборот, чтобы ликвидировать очереди за хлебом в городе. Макаров доказывал, что в том колхозе, откуда он, хлеба у колхозников нет, и у них самих не хватает до нового урожая. Хлеб у них забирают. Далее Макаров говорил, что колхозы работают плохо, т.е. нерентабельно, и, если бы сейчас предложить разойтись колхозам, то наполовину бы колхозники из колхозов ушли.

Был спор о войне Японии с Китаем. В этом споре было также два мнения. Попов доказывал, что Япония захваченной промышленностью в Китае не может компенсировать свои затраты, а я доказывал, что Япония захватила основные промышленные центры Китая и в данное время компенсирует свои затраченные расходы. Попов в споре сослался на газетные материалы. Я ему, т.е. Попову, заявил, что всякая пресса освещает вопросы в своих интересах, и по этому не всегда нужно верить этому освещению

Вопрос: Расскажите, по каким же вопросам и какую точку зрения защищает Индукаев в этих спорах?

Ответ: Индукаев в спорах по колхозному вопросу и событиях в Китае не присутствовал... Индукаев предо мной отстаивал по вопросам местного бюджета, управления в Наркомпросе и многие другие [так в тексте], но воспроизвести я в данное время споров не могу...

Постараюсь воспроизвести вопросы, поднимаемые Индукаевым и другими и сообщить дополнительно...

Протокол
проведения очной ставки
подсудимых Н. П. Менгеля и В. Г. Козлова
22 июля 1941 года

В. Г. Козлов: «В первых числах мая 1941 года, после принятия Постановления Президиума Верховного Совета СССР о назначении Сталина председателем СНК, мы – я, Менгель, Попов, Индукаев, обсуждая этот указ в комнате № 20 [ул. Чапаева, 20, общежитие Свердловского университета], разговаривали так: Индукаев сказал: «Дело явно идет к монархии». Менгель сказал: «Ну, у нас сейчас как в Германии, место Гитлера занимает Сталин». Я добавил: «Сейчас на русском престоле будет три династии: Рюриковичи, Романовы, Джугашвили. Раньше Сталин был лицом, не имеющим административного поста, но затем решил занять административный пост. Он не выдержал и короновался»...

Вопрос к **Менгелю:** Что вы слышали от Козлова о Троцком и Бухарине?

Ответ: В 1941 году, зимой между Козловым и Поповым...разгорелся спор, при котором Козлов сказал, что если бы Троцкий выдвинул демагогические лозунги, как «свобода слова, печати», «крестьянам дать землю», то за ним бы пошел народ и при определенных условиях он бы сумел обмануть Германию...

А в отношении Бухарина и лозунга вращивания кулака в социализм Козлов говорил, что на практике не доказано о невозможности применения бухаринской теории мирного вращивания кулака в социализм...

Вопрос к обвиняемому **Козлову:** Вы это подтверждаете?

Ответ: Да, подтверждаю, но не в такой редакции. Действительно, у нас с Поповым был спор о том, что, если бы троцкисты и бухаринцы не были разоблачены, и у нас бы произошла война между Германией и СССР, – каковы были бы результаты? Я говорил: «Раз троцкисты и бухаринцы готовили поражение СССР в войне, то какой вариант в войне мог бы быть, и встал бы вопрос о тех обещаниях, которые давал Троцкий о компенсации Украины; Троцкий мог бы нарушить это соглашение с Германией». На вопрос Попова «Каким образом?» - я ответил: «Троцкий, как авантюрист и демагог, мог бы в войне выступить как настоящий демагог, с демагогическими лозунгами; он бы сложил всю вину поражения на неподготовленность к войне; объявил бы свободу печати, слова, и массы за этими демагогическими лозунгами пошли бы.

О Бухарине мои высказывания были несколько позднее и не вызывались указанным выше разговором. Я говорил..., что теория Бухарина о мирном вращивании кулака в социализм еще не проверена на практике. Я говорил, что результатом организации крупных кулацких конгрегаций параллельно с колхозами, которые пользуются максимальной помощью со стороны государства, явились бы пути, по которым можно было бы придти к тем же результатам, но я отмечал, что при этой теории есть порочность – известная часть крестьянства-бедноты стала бы пролетаризоваться.

Вопрос к обвиняемому **Козлову:** Как Менгель был настроен по отношению к Германии, ее армии и государственной форме управления?

Ответ: Менгель к Германии относился германофильски, я же выступал как франкофил, Попов как англо и америкофил, а Индукаев предпочитал Америку. В связи с этим Менгель всегда лестно отзывался о крепости и прочности в войне немецкой армии против Англии и Франции. Менгель всегда стоял на точке зрения централизации государственной власти, которая, якобы, дает лучшую организацию армии, и, в частности, о немецкой армии он говорил, что централизация германской армии, хороший подбор командного состава укрепляют армию. В других разговорах Менгель всегда оставался по государственному управлению на точке зрения диктатуры. Я часто утверждал обратное и часто соглашался с ним, т.к. не имел по этому вопросу устойчивого взгляда...В споре по

вопросу войны Англии и Германии Менгель говорил, что Германия победит Англию, а если вмешается Америка, то и Америку. Я говорил противоположное Менгелю, если у Англии армия слабее, то у Англии есть колоссальные экономические ресурсы.

Вопрос к Менгелю: Вы подтверждаете показания Козлова?

Ответ: Речи и споры, возникавшие в связи с войной 1939 года, базировались целиком и полностью на результатах этой войны; поэтому я говорил, будучи сторонником сильной диктатуры, которая дает возможность централизовать всю государственную, военную власть, даст возможность создать сильную армию, ссылаясь при этом на германскую армию и как результат, приводя поражение Франции и частично Англии, в войне 1939 года. Я отнюдь не утверждал, в противоположность показаниям Козлова, что германская армия является прочной армией, т.к. это – фантазия: я должен был бы ...располагать документами, я же строил свои выводы исключительно на сводках как той, англо-французской стороны, так и на сводках германского командования, и в частности на тех выводах, которые сделаны были в журнале «Большевик» за 1939 год (номера и числа не помню).

В отношении второй части показаний Козлова: я действительно стоял в области государственного управления на точке зрения сильной диктатуры, отдавая себе полный отчет и строго различая диктатуру пролетарскую и диктатуру буржуазную в системе государств.

О завоевании всей Европы и возможности победы англо-американского блока я показания обвиняемого Козлова категорически отрицаю...

ГААОСО. Ф.1 Оп.2 Д.15800. Л. 149 - 154.

Комментарий И. И. Райхера, осужденного по одному делу с Н. П. Индукаевым, В. Г. Козловым и Н. П. Менгелем, к протоколу очной ставки Н. П. Менгеля и В. Г. Козлова: «К «очной ставке» сначала отнесся уважительно, но по мере чтения начали одолевать сомнения. Зацепился за одну фразу Н. Менгеля : «Что касается второй части показаний Козлова...» Показалось что-то не то. Так, наверное, на очных ставках не говорят. Все это похоже на сочинение по «дырочному» доносу [т.е. доносу лица, которое через дырку подслушивало разговоры студентов]... Жуют жвачку о госцентрализме, оговаривая себя и друг друга. Думаю, что донос о разговоре был использован при допросе (как у меня) каждого из них, а потом сочинена достаточно нелепая очная ставка, ведь никто их за язык не тянул... Мы вместе провели в одной камере тюрьмы после суда целый месяц. Ни о какой очной ставке они не упоминали...»

Из письма И. И. Райхера от 21 октября 1996 года

Из разговора Н. П. Индукаева и И. И. Райхера в тюрьме, на второй день
после вынесения приговора.
Август 1941 года.
По воспоминаниям И. И. Райхера.

Индукаев: «Помнишь в 1939 году скандал на истфаке?»

Райхер: «Еще бы, и этого очкарика, синечулочную Мосину тоже. Но ты же отказался [баллатироваться в депутаты районного Совета]».

Индукаев: «Откажешься, когда сначала Попов [ректор Свердловского университета] «выкручивал руки», а потом вызвали на Ленина, 17 [Управление НКВД] и вежливенько пуганули. Вот я и стал помалу готовиться [к аресту. Спрятал под стельку ботинок лезвия бритвы, нитки, иголки]. Почитай весну, осень и еще весну проносил, а на выходе [при аресте], конечно, их и надел. На обыске никто и не подумал заглянуть под стельки. Вот теперь и пригодилось...»

Из письма И. И. Райхера от 30 декабря 1996 года